

Никольский Михаил Эрастович

Благородная Бухара

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Эрастович Н.**
Благородная Бухара / Никольский Михаил Эрастович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
47 с.

ISBN 978-5-519-99813-0

ISBN 978-5-519-99813-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Кто знакомился съ восточной жизнью въ Тегеранѣ или Смирнѣ, того не удивятъ типичныя колоритныя картины Бухары. Не удивятъ эти картины и того, кто толкался по базарамъ Каира и любовался чудными грандіозными мечетями этого разноплеменнаго города.

Кто восхищался единственными въ мірѣ по красотѣ видами Константинополя, Золотого Рога и Стамбула тому, можетъ быть, покажутся блѣдными миниатюрныя Бухарскіе виды.

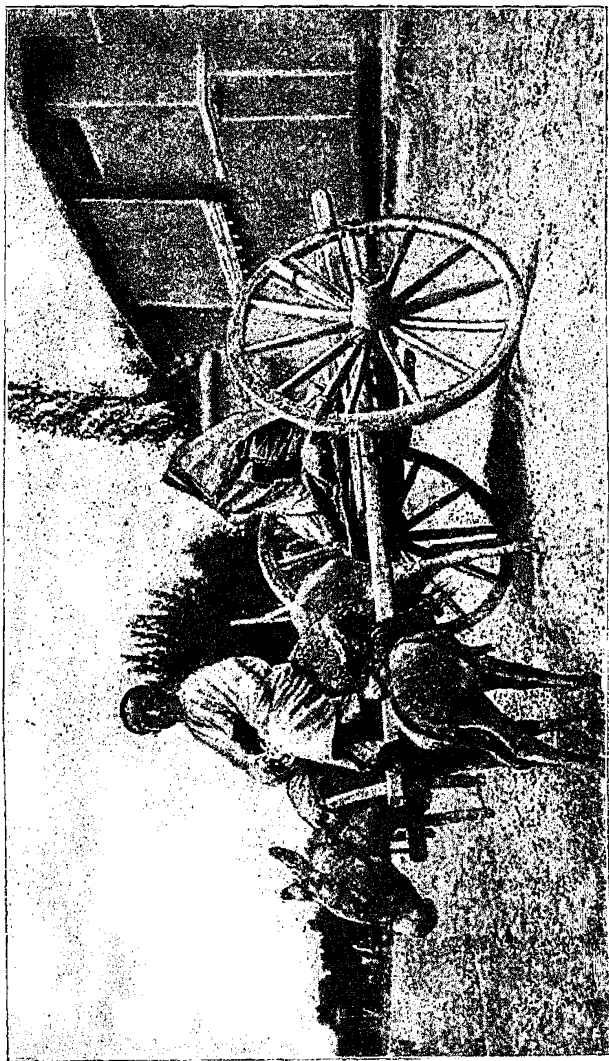
Но на челоуѣка, впервые сталкивающагося съ восточной жизнью во всей ея оригинальности и своеобразной, трудно передаваемой, но чувствующейся прелести, Бухара, по большей части, производитъ сильное, ошеломляющее впечатлѣніе. Правда, присмотрѣвшись и попривыкнувъ къ новизнѣ картинъ, многіе путешественники начинаютъ критически относиться къ нѣкоторымъ ея непривлекательнымъ чертамъ—пыли, грязи, сѣрымъ и монотоннымъ улицамъ большей части города и другимъ, такъ сказать, дефектамъ. Однако, едва-ли найдутся лица, не поразившіяся съ перваго раза оригинальностью ея базаровъ и другихъ восточныхъ особенностей. Кажется, сначала точно попадаешь въ волшебное подземное царство Аладина и его чудесной лампы. Все такъ ново, такъ оригинально, такъ ярко по краскамъ!

Ходишь по цѣлымъ часамъ, чувствуешь физическое утомленіе, но картины, рисующіяся передъ глазами, ничуть не надоѣдаютъ и не утомляютъ вниманія. Лично я чуть не засыпалъ (да простятъ мнѣ это прегрѣшеніе меломаны) на 4-омъ дѣйствиі любого блестящаго обстановочнаго балета, несмотря на его роскошныя декорации, но никогда меня не усыпляли эти какъ будто-бы и однообразныя виды Бухары. Тутъ чувствовалось не мертвыя разрисованныя кулисы, а сама жизнь. Жизнь для европейца странная, непонятная, но оттого-то и захватывающая своей оригинальностью. Даже на парижскихъ бульварахъ, среди живого заражающаго веселья, или на пресловутой Via Карачіоли въ Неаполѣ во время предобѣденныхъ гуляній я никогда не чувствовалъ такой близости къ чужой иностранной жизни, какъ въ Бухарѣ.

Говорятъ, что, если поскоблить любого русскаго, то подъ этой личиной окажется азіатъ. Можетъ быть, ко мнѣ это мнѣніе наиболѣе примѣнимо, но я люблю востокъ. Впрочемъ, это, конечно, субъективный взглядъ, сложившійся, вѣроятно, подъ вліяніемъ бродяжничества по востоку вообще, но мнѣ кажется, что на воображеніе и фантазію cadaго менѣе подѣйствуютъ знакомыя, до извѣстной степени, шумныя толпы европейскихъ улицъ и бульваровъ, чѣмъ полутемныя, полуфантастичныя корридоры бухарскихъ базаровъ съ ихъ необыкновенной обстановкой.

Попробую же съ большей послѣдовательностью разобратъся съ суммою тѣхъ впечатлѣній, которыя я вынесъ отъ посѣщенія Бухары.

Былъ жаркій іюльскій день. Раскаленное знойное солнце жгучими лучами обливало пыльную дорогу, извивавшуюся между двумя рядами цвѣтущихъ садовъ и полей. Сытая рослая лошадка быстро везла меня со станціи Новая Бухара Закаспійской (теперь Средне-

Осели, запряженный въ тельяку.

азіатской) желѣзной дороги въ городъ Бухару, Бухару Аль-Шерифъ, т. е. Благородную, какъ ее называютъ бухарцы.

Было всего 10 часовъ утра, а жара уже была страшная. Я положительно изнемогалъ отъ зноя, но кучеръ сартъ, видимо, мало чувствовавшій высокую температуру, бодро сидѣлъ на козлахъ легкой пролетки, любезно предоставленной въ мое распоряженіе г. С., агентомъ одной торговой фирмы, къ которому я имѣлъ рекомендательное письмо.

Не могу не вспомнить здѣсь съ чувствомъ глубокой благодарности то широкое гостепріимство, съ которымъ меня принялъ г. С., когда я къ нему явился съ письмомъ одного его даже не близкаго знакомаго. Вообще надо сознаться, что въ этомъ отношеніи закаспійцы и туркестанцы—идеальнѣйшій народъ. Нигдѣ, кажется, развѣ только въ Сибири, не принимаютъ съ такимъ радушіемъ случайныхъ заѣзжихъ туристовъ. Ну гдѣ-бы въ другомъ мѣстѣ оставили у себя гостить незнакомаго человѣка, да еще дали-бы ему на цѣлый день лошадь и слугу, что потомъ повторилось еще нѣсколько разъ при послѣдующихъ поѣздкахъ въ Бухару.

Такимъ образомъ, благодаря главнымъ образомъ любезности г. С., я вполне ознакомился съ столицей Бухарскаго Ханства, резиденціей Его Высочества Эмира Бухарскаго.

По обѣимъ сторонамъ дороги мелькали сады, обнесенные, по большей части, глиняными низкими стѣнами. Тянулись сплошь вспаханные зеленые поля, небольшіе перелѣски изъ разнообразныхъ деревьевъ, въ числѣ которыхъ попадались нерѣдко и гранатныя. Гранатники уже отцвѣли, и деревья эти не отличались той красотой, которая свойственна имъ въ апрѣлѣ и въ маѣ. Тогда эти сравнительно небольшія деревца

покрываются ярко-красными цвѣтами. Тысячи разно-цвѣтныхъ жучковъ гнѣздятся въ это время въ ихъ желтыхъ чашечкахъ. Распустившіеся цвѣты перемѣшиваются съ скромными замкнутыми бутонами; темно-зеленые мелкіе шелковистые листья гранатника еще болѣе отбѣняють яркость его цвѣтовъ.

Одни изъ воротъ стѣны, окружающей Бухару.

Жара и дорожная пыль такъ сильно давали себя чувствовать, что на протяженіи тѣхъ двѣнадцати верстъ, которыя считаются отъ станціи до Бухары, я два раза останавливался пить чай въ небольшихъ бухарскихъ чай-хане (чайныхъ), часто встрѣчавшихся по дорогѣ и съ удовольствіемъ отдыхалъ въ тѣни деревьевъ. Моему кучеру, который съ изумительной быстротой

успѣвалъ опоражнивать въ какія-нибудь десять минутъ чуть не дюжину, положимъ, небольшихъ чашекъ, такія остановки тоже, видимо, доставляли огромнѣйшее наслажденіе.

Наконецъ, вдали показались высокіе минареты бухарскихъ мечетей, и мы подъѣхали къ однимъ изъ бухарскихъ воротъ, проѣхавъ сперва по одному изъ бухарскихъ предмѣстій. Почти всю дорогу, а въ особенности вблизи города по массѣ встрѣчавшихся всадниковъ на ослахъ, мулахъ, лошадяхъ и верблюдахъ, а также по многочисленнымъ пѣшеходамъ и экипажамъ, можно было видѣть, что приближаешься къ какому-то крупному центру, гдѣ, видимо, сильно бьется импульсъ народной жизни. И дѣйствительно Бухара не только административный центръ Ханства, но центръ торговый и умственно-образовательный.

У самыхъ воротъ стояли ряды извозничьихъ экипажей, устроились продавцы овощей и фруктовъ, чайхане, и толпилось много нищихъ.

Мой кучеръ устроилъ лошадь у одного знакомаго, и мы отправились по городу пѣшкомъ.

Еще тогда, когда мы подъѣзжали къ Бухарѣ, мое вниманіе привлекли, окружающія ее стѣны. Стѣны эти глинобитныя, съ круглыми зубцами и узкими стрѣльницами. Тянутся онѣ кругомъ всего города и имѣютъ въ длину одиннадцать верстъ четырехста сажень. Вышина ихъ сажени три, три съ половиной, а ширина у основанія сажени полторы, но кверху гораздо уже. Въ стѣнахъ этихъ находится одиннадцать воротъ, разстояніе между которыми неравномѣрно; такъ самое меньшее разстояніе будетъ—175 сажень, а самое большее 1 верста 450 саж. Ворота сдѣланы изъ обожженного кирпича съ кирпичными же башенками усѣченной конической формы. Никакого стратегическаго значенія обветшалыя стѣны, конечно, не имѣютъ. Ихъ легко

прошибетъ пуля, не только ядро. Снаружи города онѣ кажутся больше сохранившимися чѣмъ внутри, откуда въ полной неприглядности выступаетъ ихъ печальное состояніе.

Миновавъ ворота мы пошли по узкимъ кривымъ, улицамъ. Если составлять понятіе о Бухарѣ по однимъ только этимъ улицамъ, то, безусловно, получится самое дурное мнѣніе объ этомъ оригинальномъ городѣ.

На улицахъ прежде всего поражаетъ почти совершенное отсутствіе оконъ. Однообразно тянутся высокія, глинобитныя, не крашенныя сѣрыя стѣны, видимо, двухъэтажныхъ зданій. Только низенькія ворота ведутъ во дворы зданій, да иногда надъ ними устраивается небольшое окно. Изрѣдка попадаются кирпичныя строенія, но тоже безъ оконъ. Полнѣйшее отсутствіе зелени, пыль, раскаленныя стѣны—еще болѣе увеличиваютъ первое неблагопріятное впечатлѣніе. И такихъ улицъ въ Бухарѣ 360. Онѣ извиваются, перепутываются, идутъ зигзагами. Ширина ихъ отъ $1\frac{1}{2}$ аршина до 2 сажень. Глаза европейца, привыкшаго къ правильности линій въ постройкахъ, рѣзко и непріятно поражаетъ кривизна бухарскихъ домовъ, строящихся, видимо, безъ ватерпаса и наклона. Единственно, если что только оживляетъ эти непривлекательныя улицы, такъ это рѣзвящіеся дѣти, въ особенности прелестныя пугливыя какъ серны, дѣвочки. Пользуясь свободой до 8—9 лѣтъ ходитъ безъ покрывала, онѣ безпрепятственно рѣзвятся на улицахъ, уже съ 6—7 лѣтняго возраста обращая на себя вниманіе, какъ будущія невѣсты.

Наслышавшись еще раньше о восточныхъ базарахъ, я просилъ моего проводника провести меня, минуя пока всѣ другіе достопримѣчательности, на большой базаръ. Минутъ сорокъ пробирались мы по кривымъ, узкимъ улицамъ, такъ запутаннымъ, что я едва-ли

выбрался-бы изъ нихъ одинъ. Наконецъ, усилившееся движеніе толпы показало намъ, что мы приближаемся къ желаемому мѣсту. Скоро по обѣимъ сторонамъ улицы замелькали и лавки. Первымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ была прохладная тѣнь, царящая благодаря навѣсамъ надъ всей улицей. Правда, на базарѣ отъ этого господствовалъ легкій полумракъ, но, по моему, восточныя картины еще болѣе выигрывали при такомъ освѣщеніи въ колоритности и оригинальности.

Слово базаръ получило право законности, на ряду съ массой другихъ восточныхъ словъ, и въ русскомъ языкѣ. Базаромъ въ нѣкоторыхъ нашихъ городахъ, такъ или иначе имѣющихъ связь съ востокомъ, (напр. въ Астрахани, Казани, Баку), называется то, что въ другихъ не восточныхъ частяхъ Имперіи принято называть рынкомъ или псадами. Однако, базаръ на востокѣ имѣетъ гораздо большее общественное значеніе, чѣмъ нашъ рынокъ. Базаръ для азіата замѣняетъ и гостинный дворъ, и театръ, и клубъ, и биржу, и гостиницы.

На базарѣ находятся лавки не только съ съѣстными припасами, но и со всѣми другими товарами—мануфактурными, галантерейными и проч. Здѣсь заключаются всѣ торговыя сдѣлки, опредѣляется курсъ монеты, назначаются цѣны на товары. Здѣсь же находятся и чайныя, столь любимыя на востокѣ, и съѣстные лавки, такъ сказать азіатскіе рестораны. Сюда являются съ своими представленіями заклинатели змѣй, фокусники, танцовщики и актеры. На базарѣ-же узнаются всѣ новости, передаются и обсуждаются разные слухи. Правда, и на нашихъ рынкахъ провинціальныя кумушки во время закупокъ успѣваютъ застаться на весь день самымъ разнообразнымъ запасомъ сплетенъ, но все же азіаты передъ ними имѣютъ то преимущество, что проводятъ на базарѣ весь день, тогда какъ первымъ все-же надо спѣшить домой.

На базарѣ принимаются моды, составляется общественное мнѣніе и даже произносятся проповѣди муллами. Понятно, что при такомъ громадномъ значеніи, какое имѣетъ базаръ для азіатовъ, нечего удивляться, что онъ переполненъ пестрыми, оригинальными волнами восточной толпы, сливающейся на главныхъ улицахъ базара въ общій потокъ. Толпа движется почти непрерывно, но что то необычайное для европейца въ этомъ движеніи. Прежде всего поражаетъ отсутствіе лихорадочности, такъ вообще присущее большимъ центрамъ. Движеніе это кажется какимъ-то безотчетливымъ и дѣланнымъ. Сперва, пока я не познакомился болѣе съ жизнью бухарцевъ, я не могъ понять, почему эта восточная толпа производитъ на меня такое странное впечатлѣніе, но, мало-по-малу, объясненіе этому составилось само собой.

Надо вообще сказать, что на ряду съ честностью, широкой благотворительностью бѣднымъ, радушіемъ и гостепріимствомъ, бухарецъ обладаетъ страшно-развитымъ тщеславіемъ и склонностью къ праздности и бездѣйствію. Если у него есть какія-либо средства, дающія ему возможность не работать, онъ не станетъ думать о трудѣ. Ему никогда не надоѣстъ лѣнивая, праздная жизнь, и самой его завѣтной мечтой является возможность возбудить удивленіе въ другихъ своей одеждой и великолѣпіемъ. Нарядившись съ утра какъ можно лучше, потративъ на повязку одной чалмы столько же времени, сколько любой европейской кокеткѣ нужно на совершеніе всего туалета, онъ идетъ на базаръ. Явиться съ дурно-повязанной чалмой—значитъ вызвать рядъ насмѣшекъ. Красиво повязать тридцатиаршинную чалму и устроить великолѣпный тюрбанъ считается верхомъ изящества для каждого бухарскаго денди. Придя на базаръ, бухарецъ старается показать себя какъ можно большому числу

знакомыхъ, чтобы удовлетворить чувству своего тщеславія, если вызоветь у нихъ зависть или удивленіе къ своему наряду. А такъ какъ подобное развлеченіе онъ рѣшилъ доставлять себѣ до вечера, то торопиться ему некуда.

Этимъ то и объясняется безотчетливость преобладающей массы бухарской толпы и отсутствіе въ ней лихорадочнаго движенія. Что же касается бросающейся въ глаза дѣланности, какъ будто искусственной натянутости движенія, то она объясняется восточнымъ этикетомъ. Походка европейцевъ, отрывистая и энергичная, не удовлетворяетъ требованіямъ бухарской бонтонности. У нихъ на этотъ счетъ свои понятія.

Сообразно съ ними бухарецъ идетъ очень медленно, раскачиваясь и безъ торопливости. Вообще на востокѣ громко говорить, смѣяться, жестикулировать считается неприличнымъ. Голову онъ держитъ высоко, увѣренно. Не знаю, вслѣдствіе ли этого, или вообще благодаря чрезмерному тщеславію, но дороги бухарецъ давать не любитъ. Поэтому идущіе другъ другу на встрѣчу часто очень колюче сталкиваются. Никакихъ европейскихъ извиненій при этомъ не требуется, но зато никогда не замѣчалъ я при столкновеніи и негодующихъ косыхъ взглядовъ.

Но при всей безотчетности толпы и ея дѣланности нельзя сказать, чтобы общее движеніе ея было монотонно. Правда, праздность и этикетъ лишаютъ большую ея часть живости, но, однако, далеко не всѣхъ. Прежде всего этикетъ связываетъ лишь болѣе или менѣе зажиточную часть населенія, которая вмѣстѣ съ тѣмъ пользуется и возможностью быть праздною. Хотя зажиточность эта, по большей части, условна и измѣряется для любого бухарца не столько полной возможностью ничего не дѣлать, сколько его стремленіемъ къ бездѣйствію, если у него въ карманѣ имѣется нѣсколько десятковъ тенегъ (теньга=18—20 к.)